

В просторном, залитом светом музыкальном классе разливались то страстные, порывистые звуки, то едва уловимый, трепетный шепот. Исполнитель вкладывал в музыку всю свою душу, заставляя слушателя то замирать в восторге, то внимать каждому нюансу с затаенным дыханием.

На скамье перед роялем сидели двое подростков, плечом к плечу. Когда музыка затихла, тот, что был пониже ростом, словно распробовав послевкусие мелодии, наконец похлопал в ладоши:

— Впечатляет.

Несмотря на слабое здоровье и неспособность передвигаться без посторонней помощи, Такамия Кэнъити часто выступал на конкурсах и в музыкальных салонах, получая бесчисленные похвалы и давая интервью. Из-за юного возраста и редких появлений на публике вокруг него сложился ореол таинственности. В сети даже образовался круг поклонников, восхищавшихся его техникой и манерой исполнения, однако сам Кэнъити не стремился к популярности: кроме канала на YouTube, куда он время от времени заливал случайные видео, других записей, кроме официальных трансляций с конкурсов, найти было невозможно.

И вот сейчас, услышав простую похвалу от сидящего рядом юноши, Кэнъити ощутил в глубине души искреннюю радость — такую же чистую и сильную, какую он чувствовал, когда, спасаясь от жизненных невзгод, возвращался в мир музыки и смысал боль реальности любовью к фортепиано.

— Можешь меня научить? — юноша с черными волосами сохранял прежнее спокойствие, но в его прозрачных глазах вспыхнул робкий огонек интереса. — Мне очень любопытно.

Не задавая лишних вопросов, Кэнъити с воодушевлением тут же согласился:

— Конечно!

Хотя он коснулся клавиш еще в раннем детстве, это был его первый опыт в качестве учителя. Кэнъити с трудом принялся выуживать из памяти те самые азы, с которых когда-то начинал сам.

— Гм... Давай начнем с самой простой гаммы, — он положил указательный палец на клавишу «до» и отчетливо произнес: — До.

Затем он медленно проиграл октаву вправо, напевая названия нот и показывая, как правильно менять пальцы. Продемонстрировав упражнение обеими руками, Кэнъити, словно хвастаясь, стремительно пронесся по клавиатуре от самых низких нот до самых высоких, исполнив гамму до мажор, а затем вернулся назад, проскользив по полутонам. Ему потребовалось так много места, что Иншань Бу был вынужден отклониться назад, чтобы уступить ему пространство.

Опомнившись, «бурый кот» осознал, что переборщил с демонстрацией мастерства перед

новичком, и смущенно кашлянул. Хвост, который от гордости был поднят трубой, виновато опустился. Кэнъити сухо добавил:

— Это только кажется сложным, на самом деле, стоит немного потренироваться, и ты достигнешь того же уровня!

Иншань Бу лишь усмехнулся про себя, не придавая этому значения. Он не сомневался в гениальности Кэнъити: такая техника и выразительность в столь юном возрасте — результат сочетания таланта и упорного труда. Хотя Иншань Бу нельзя было назвать музыкально неграмотным, его мастерство игры на фортепиано сильно уступало навыкам Кэнъити — разница была как между доктором наук и школьником, причем последний едва ли превосходил простого неуча.

Юноша положил пальцы на клавиши, осторожно, поначалу неуклюже, а затем все более уверенно вывел октаву. Под восторженные аплодисменты соседа он попробовал сыграть гамму до мажор двумя руками. Первый раз вышло с запинками, второй — заметно плавнее, а на третий — не хуже, чем у обычного прилежного ученика.

— Ого! — Кэнъити с сомнением схватил руку юноши. Увидев аккуратные ногти и длинные, четко очерченные пальцы, он приложил свою ладонь к его ладони, сравнивая размеры. Оказалось, что они почти идентичны — Иншань Бу тоже мог легко взять октаву, хотя диапазон у самого Кэнъити был чуть шире. Настоящий дар небес. — Ты создан для игры на пианино, и к тому же очень быстро учишься.

После такой похвалы от вундеркинда юноша опустил ресницы, словно скрывая эмоции, а затем поднял взгляд на своего маленького учителя, ожидая дальнейших указаний.

Кэнъити, поняв намек, прочистил горло и принял важный вид:

— Тогда давай сыграем что-нибудь несложное... Э-э, Черни? Черни ведь считается легким?

Двух увлеченных игрой подростков прервали. Вермут с улыбкой произнесла:

— Не хотелось бы мешать вашему веселью, но давайте все же перейдем к делу.

Кэнъити с сожалением протянул: «А-а...», а затем, повернувшись к юноше, который молча смотрел на клавиши, увидел, как тот с бесстрастным лицом поднялся:

— Конечно. Давай отрепетируем встречу с твоим учителем.

Перед уходом Иншань Бу попросил Кэнъити записать первый этюд, который тот только что исполнил. Очевидно, ему хотелось получить всю запись, но время поджимало — они не могли заставлять Вермут ждать, поэтому ограничились лишь первой пьесой.

Кэнъити, как заправский профи, скинул Иншань Бу ссылку на свой канал:

— Я иногда выкладываю туда что-нибудь, если вспомню, но пользуюсь редко. Если хочешь, позже запишу для тебя еще, когда будет оборудование!

Иншань Бу покачал головой:

— На самом деле, первая пьеса мне нравится больше всего.

— Тогда после того, как все закончится, обязательно приходи еще, — бурый кот с неохотой отпустил запястье юноши. — У тебя настоящий талант, в следующий раз продолжим обучение. Я даже могу познакомить тебя со своим учителем, она наверняка будет от тебя в восторге!

Желающих попасть на прием к всемирно известному пианисту было не счесть, и Кэнъити прекрасно понимал вес своих слов. Но сейчас им двигало лишь желание поделиться тем, что он имеет, с новым другом, чтобы увидеть на его лице радостную улыбку.

— Хорошо.

Юноша кивнул, а затем, бросив взгляд на стоявшее у стены электронное пианино, добавил:

— Можно одолжить твой инструмент на пару дней? Верну сразу после задания.

— Это цифровое пианино, конечно, забирай! Я купил его, когда баловался ремиксами, сейчас почти не использую, — Кэнъити легко согласился. — Я попрошу, чтобы его упаковали и передали тебе.

Иншань Бу поблагодарил его и собрался уходить. Звук каблучков Вермут уже затихал в коридоре. В этот момент он обернулся и, глядя на сидящего на скамье юношу, спросил:

— Тебе не обидно, что ты не выйдешь на сцену?

Кэнъити улыбнулся — мягко и беззаботно, признавшись:

— Честно говоря, немного обидно. Но видеть, как ты стоишь на сцене вместо меня, тоже неплохо. Я давно знал, что не смогу поехать на финал в Польшу, просто не ожидал, что даже в национальном отборе не удастся поучаствовать. Мои конкуренты — лучшие из молодых пианистов, жаль, что не смогу сразиться с ними лицом к лицу.

В голосе молодого музыканта слышались азарт и уверенность, рожденная истинной любовью к делу.

Юноша на мгновение замолчал, словно ему было неловко или он искренне сочувствовал другу.

— Не бери в голову, даже если бы ты не поехал, я все равно не смог бы выступить, — Кэнъити поспешил его успокоить. — Я привык, это всего лишь конкурс.

Операция была назначена на выходные, поэтому до начала плана видаться с Кэнъити больше не требовалось. Вермут выехала на спорткаре из гаража, вырулила на шоссе и спросила:

— Уверен в себе?

— Да, — юноша на пассажирском сиденье ответил невозмутимо. — Не волнуйся, я все сделаю.

Глядя на его спокойное, непроницаемое лицо, невозможно было понять, играет ли этот десятилетний мальчишка роль, или же он действительно так уверен в успехе. Вермут невольно вспомнила Джина, но тут же усмехнулась своим мыслям: Джин был куда более загадочным, чем этот ребенок.

По крайней мере, она ни разу не видела, чтобы Джин проявлял хоть какие-то чувства. Вероятно, фраза «я никого не люблю» будет сопровождать его до самой смерти.

Хотя у них с Джином жизни были дольше, чем у обычных людей, они постоянно ходили по лезвию бритвы. Она занималась сбором информации и не так часто рисковала жизнью, а Джин десятилетиями изо дня в день выполнял самые опасные задания организации, не задумываясь о смерти.

Конечно, гибель убийцы означала провал миссии, а она знала, что Джин не любит проигрывать. Однако ей казалось, что он наслаждается прогулками по краю бездны, используя опасность как способ получить мимолетный прилив адреналина.

Такой мужчина, окутанный смертельной тайной, легко стирал грань между симпатией и гормонами, но в то же время она понимала: они хоть и идут одной дорогой, но никогда не станут настоящими союзниками.

И вот этот человек теперь пригрел у себя ребенка. Интересно, с какой целью? Тем более что мальчишка, кажется, искренне привязан к Джину.

Знает ли об этом сам Джин? Не может не знать.

Машина остановилась у дома Иншань Бу. Вермут наклонилась и ущипнула юношу за гладкую щеку, подумав: она с нетерпением ждет, как изменится Джин, когда этот ребенок вырастет... если, конечно, он сможет вырасти рядом с ним.

Юноша вопросительно посмотрел на нее чистым, холодным взглядом. Вермут рассмеялась:

— В воскресенье в шесть утра я заеду за тобой. Регистрация в восемь тридцать. Сделать грим несложно, но на дорогу нужно время. Больше ничего не готовь, до завтра.

Освободив лицо из плена рук «ведьмы», Иншань Бу кивнул, вышел из машины и проводил взглядом уносящийся вдаль флуоресцентно-желтый спорткар.

Ему казалось, что отношение Вермут к нему весьма любопытно. Скорее, она с самого начала прощупывала почву, но не проявляла особой настороженности. Иными словами, она не придавала ему большого значения, просто заинтересовалась по какой-то своей причине.

Бесспорно, во всем виноват Джин.

Вспоминая, что Джин ни капли не изменился с тех пор, как он видел его в 15 и в 23 года, Иншань Бу мог догадаться, о чем думает Вермут, но это его не касалось. В конце концов, он всего лишь «наемный работник», который ничего не смыслит, верно?

Его цель — завоевать доверие Джина и подготовить почву для своей роли в Черной организации, остальное его не волновало.

Что касается выбранного сценария... он считал его самым простым, да еще и позволяющим извлечь выгоду — почему бы и нет? Нужно быть прагматиком: не рискнешь — не выиграешь. Другие пути проникновения в организацию были слишком непредсказуемы, а остальные члены Черной организации вели себя скрытно. Если бы не подсказка о задании, он бы никогда не встретил Джина, поэтому обязан был ухватиться за этот шанс.

На самом деле он подумывал и о других линиях поведения, например, намекнуть, что «ты похож на моего давно потерянного брата» или «ты напоминаешь мою жену, которую я никогда не видел»... последнее было шуткой. Даже если бы игровая система посчитала это логичным, он бы не смог проверить такой трюк.

В итоге Иншань Бу решил, что будущее выглядит многообещающе. Если не считать того, что военная подготовка слишком утомительна, все остальное шло неплохо.

Поработает еще пару лет (обдирая Джина), накопит денег (золотых монет) и вернется в родные края, чтобы жениться (вернуться в основную временную линию)!

До воскресенья оставалось два дня. Иншань Бу на одолженном инструменте провел несколько изнурительных репетиций, стараясь добиться безупречной осанки. Конечно, его тренировки были каплей в море по сравнению с уровнем Кэнъити, но он вынужден был признать: любой музыкальный инструмент требует колоссального труда, иначе даже талант не поможет, а уж до музыкального гения ему было как до луны.

В воскресенье рано утром Иншань Бу, подбодрив себя порцией «душевного допинга», с трудом вылез из постели и, подавляя зевоту, сел в минивэн Вермут.

Салон машины был переоборудован под гримерную. Иншань Бу закрыл глаза и позволил Вермут колдовать над своим лицом. Она хотела покрасить его волосы в желтый, но пришлось бы состригать длинные пряди, поэтому после протестов решили ограничиться париком.

Надев туфли на платформе и пиджак с подплечниками, Иншань Бу посмотрел в зеркало: отличить его от Кэнъити было невозможно.

Он повернулся и спросил:

— А что делать с голосом?

Вермут, заканчивая грим — она превратилась в посредственного тридцатилетнего мужчину, — не оборачиваясь, ответила:

— Можешь имитировать легкую простуду.

Профессионал, ничего не скажешь, решения всегда под рукой.

Перед тем как выйти на парковке концертного зала, Иншань Бу в последний раз сверился с планом:

— 8:30 регистрация, 9:00 начало конкурса. Моя очередь — последняя в утренней сессии. Как только я сяду за рояль, свет погаснет. В этот момент в зале произойдет небольшой взрыв, сработает пожарная тревога, начнется эвакуация, и мы воспользуемся моментом, чтобы уйти.

Вермут моргнула:

— Точно. Удачи, Бу.

— И тебе.

Иншань Бу кивнул с невозмутимым видом. Глядя на него, нельзя было сказать, что этот подросток впервые участвует в операции организации, да еще и подменяет другого человека на сцене. Хотя играть ему не нужно было, одна лишь мысль о том, что что-то может пойти не так, перехватывала дыхание.

Вермут смотрела через тонированное стекло, как удаляется юноша. Улыбка на лице посредственного мужчины постепенно исчезла. Она подумала, что Джин, похоже, выбрал неплохой материал.

<http://bllate.org/book/22546/2381830>